

Оглавление

I. Рилльская ведьма	7
II. Языческий костер	20
III. Долина Гейл	33
IV. Лорд Бауэр	57
V. Недобрые вести	86
VI. Торговые гарантии	96
VII. Полуночная погоня	114
VIII. Морозный воздух, горячие речи	133
IX. Возвращение в Рилл	151
X. Моргард	175
XI. Расследование возобновляется	190
XII. Противостояние на Хаунерской дороге	207
XIII. Неуслышанные предупреждения	219
XIV. Последний мирный вечер	229
XV. Грейвс	244
XVI. Разговор с мертвецом	262
XVII. Опасная авантюра	276
XVIII. Крепость мрака	289
XIX. Все глубже в кроличью нору	307
XX. Дары Культаара	321
XXI. Пленницы	332

XXII. Украденная жизнь	348
XXIII. Подготовка к суду	366
XXIV. Львы и братья	390
XXV. Сравнить шансы	411
XXVI. Пламя от искры	425
XXVII. Вкус битвы	441
XXVIII. Вслед за леди Бауэр	457
XXIX. Билль палача	470
XXX. Прощание с Долиной	483
ЭПИЛОГ. Правосудие Императора	499
Благодарности	508
Об авторе	510

I

Рилльская ведьма

*«Бойся глупца, фанатика и деспота,
ибо все они облачены в доспехи невежества».*

ИЗ «СОВАНСКОГО ПРЕСТУПНИКА» КАТЕРХАУЗЕРА
КОДЕКС: СОВЕТЫ ПРАКТИКУЮЩИМ ПРАВОСУДИЯМ

Так странно думать, что конец Империи Волка и все те смерти и разрушения, которые он за собой повлек, уходит своими корнями к крошечной, незначительной деревеньке Рилл. Что, приближаясь к ней, мы не просто брели по холодной, дождливой местности в двадцати милях к востоку от Толсбургских Марок¹, но и подходили все ближе к Великому Упадку, который, подобно крутому, коварному склону из скользкого вулканического стекла, устремлялся из-под наших ног прямым вниз.

Рилл. Как же описать это место? Родина наших несчастий была столь непримечательной. Уединенная деревушка, типичная для Северной Марки Толсбурга. Она состояла из двадцати глинобитных зданий с соломенными крышами, которые кольцом окружали

¹ М а р к а — средневековый термин, обозначающий приграничную область владений или государства. (*Прим. перев.*)

большую центральную площадь, представлявшую собой развороченное месиво из грязи и соломы. Поместье отличалось от остальных домов только размером и было, пожалуй, лишь вдвое больше самого крупного жилища, но на этом различия заканчивались. На вид оно казалось столь же ветхим, как и остальные постройки. По одну сторону от поместья стоял трактир, а по площади хаотично шатался скот и местные крестьяне. У царившего здесь холода было одно преимущество — воняло в деревне не особенно сильно, однако Вонвальт все равно прикрыл нос платком с высушенными лепестками лаванды. Порой он бывал очень брезглив.

Казалось бы, я должна была пребывать в приподнятом настроении. Рилл стал первой деревней, на которую мы набрали с тех пор, как покинули имперский путевой форт на границе Йегланда, и с него началась цепочка поселений, которая вела к хаунерской крепости Моргард в пятидесяти милях к северо-востоку. Наше прибытие сюда означало, что всего через несколько недель мы снова повернем на юг и завершим восточную часть нашего маршрута — то есть нас ждала погода получше, города побольше и что-то приблизительно похожее на цивилизацию.

Однако вместо радости меня терзала тревога. Мое внимание было приковано к обширному древнему лесу, который подступал к деревне и тянулся на сотни миль к северу и западу от нас до самого побережья. Если верить слухам, которыми нас подкармливали на пути сюда, в лесу обитала старая ведьма-драэдистка.

— Думаете, она там? — спросил патре Бартоломью Клавер, ехавший рядом со мной. Клавер — один из четырех человек, составлявших наш обоз, — был священником, жрецом Немы. Он навязался нам в попутчики у границы Йегланда, якобы потому что боялся

нападения бандитов. Вот только Северная Марка была печально известна своей безлюдностью, да и сам священник, по своим собственным словам, почти всюду путешествовал в одиночку.

— Кто? — спросила я.

Клавер холодно улыбнулся.

— Ведьма, — сказал он.

— Нет, — коротко ответила я. Клавер меня сильно раздражал — да и всех остальных тоже. Наши жизни, проводимые в странствиях, были и без того тяжелы, но Клавер, на протяжении последних недель непрерывно докучавший нам расспросами о судебных практиках и особых способностях Вонвальта, утомил нас окончательно.

— А я думаю, что она там.

Я обернулась. К нам подъехал Дубайн Брессинджер — пристав Вонвальта, весело поедавший луковичу. Он подмигнул мне, когда его лошадь рысью проскакала мимо. За ним ехал наш наниматель, сэр Конрад Вонвальт, а в самом хвосте плелся ослик, дерзко нареченный Герцогом Брондским, — он тащил телегу, нагруженную нашим снаряжением.

Мы явились в Рилл по той же причине, по которой приходили и во все другие поселения: чтобы убедиться, что правосудие Императора вершится даже здесь, в далеких провинциях Сованской империи. Несмотря на все свои недостатки, сованцы твердо верили, что правосудие должно быть доступно всем; поэтому они отправляли имперских магистратов вроде Вонвальта объезжать далекие деревни и города Империи в качестве странствующих судей.

— Я ищу сэра Отмара Фроста, — услышала я голос Вонвальта, донесшийся из хвоста нашего обоза. Брессинджер уже спешил к себе местного мальчишку, чтобы тот позаботился о наших лошадях.

Один крестьянин молча указал на поместье. Вонвальт угрюмо хмыкнул и спешился. Патре Клавер и я поступили так же. Грязь под моими ногами была твердой как железо.

— Хелена, — позвал меня Вонвальт. — Книгу учета.

Я кивнула и достала книгу из телеги. Она была тяжелой, с обитой железом толстой кожаной обложкой, и закрывалась на застежку. В нее заносились все приговоры Вонвальта и правовые вопросы, с которыми мы сталкивались. Когда пустые страницы в книге заканчивались, она отправлялась обратно в далекую Сову, в Библиотеку Закона, где секретари просматривали вынесенные приговоры и проверяли, насколько последовательно применялись законы общего права.

Я поднесла Вонвальту книгу учета, но он нетерпеливым взмахом руки приказал мне оставить ее у себя. Вчетвером мы направились к поместью. Теперь я смогла разглядеть висевший над дверью гербовый щит — на простом лазурном поле была изображена голова вепря, насаженная на сломанное копьё. Не считая этого, в поместье не было ничего примечательного, и оно никак не шло в сравнение с громадными городскими усадьбами и поместными крепостями имперских аристократов в Сове.

Вонвальт гулко постучал в дверь кулаком в перчатке. Дверь быстро отворилась. В проеме показалась служанка; на вид она была на год или на два моложе меня. Она выглядела напуганной.

— Я — сэр Конрад Вонвальт, Правосудие из Ордена магистратов Империи. — Вонвальт говорил с напускным сованским акцентом. Он стыдился своего родного йегландского говора, из-за которого его могли счесть выскочкой, даже несмотря на высокое положение Правосудия.

Служанка неуклюже присела в реверансе.

— Я...

— Кто там? — донесся изнутри голос сэра Отмара Фроста. За порогом было темно, и оттуда пахло дымом и скотом. Я заметила, что Вонвальт рассеянно потянулся к своему лавандовому платку.

— Правосудие сэр Конрад Вонвальт из Ордена магистратов Империи, — снова нетерпеливо представился он.

— Пропади моя вера, — пробормотал сэр Отмар и несколько мгновений спустя возник на пороге, бесцеремонно отпихнув служанку в сторону. — Милорд, входите, входите; снаружи такая сырость, идите, согрейтесь у огня.

Мы вошли. Помещение внутри было обшарпанным. В одной стороне комнаты стояла кровать, накрытая шкурами и шерстяными одеялами, и там же лежали личные вещи, указывавшие на то, что у сэра Отмара была жена. Посреди помещения располагался открытый дровяной камин, окруженный прожженными, грязными коврами. Ковры, вдобавок ко всему, зацвели от дождей, чьи капли залетали в дыру дымоволока. В другом конце комнаты располагались длинный стол на козлах, за которым могло поместиться десять человек, и дверь, ведшая в кухню. Стены были завешаны заплесневелыми гобеленами, выцветшими и закопченными почти до черноты, а на полу лежали толстые ковры и шкуры. У огня грелась пара больших, похожих на волков псов.

— Мне говорили, что по Толсбургским Маркам путешествует Правосудие, — сказал сэр Отмар, хлопоча. Будучи толским рыцарем и лордом, он был возведен в ранг имперской аристократии — как говорили, «принял Высшую Марку», то есть получил титул и земли за то, что сдался на милость Легионов. Однако хозяин

Рилла был совсем не похож на напудренных и избалованных лордов Софы. Пожилой сэр Отмар был одет в неопрятную тунику с гербом и домотканые штаны. Его измученное лицо, обрамленное белыми волосами и белой бородой, покрывала сажа. Его лоб пересекал большой вмятый рубленый шрам, вероятно полученный двадцать пять лет назад, в молодости, когда Рейхс-криг пронесся по этим землям и сованские армии покорили Толсбург. У Вонвальта и Брессинджера тоже имелись шрамы, оставленные имперской экспансией.

— В последний раз вас навещала Правосудие Августа? — спросил Вонвальт.

Сэр Отмар кивнул.

— Верно. Довольно давно. Было время, Правосудия заезжали к нам по нескольку раз в год. Пожалуй-ста, присаживайтесь все. Не желаете еды, эля? Вина? Я как раз собирался ужинать.

— Да, благодарю, — сказал Вонвальт, садясь за стол. Мы последовали его примеру.

— Моя предшественница оставила журнал с записями? — спросил Вонвальт.

— Да, да, — ответил сэр Отмар и снова отправил служанку восвояси. Я услышала какие-то звуки — судя по всему, она полезла в сейф.

— С севера вас не тревожат?

Сэр Отмар помотал головой.

— Нет. Между нами и морем проходит узкая полоска Восточной Марки Хаунерсхайма. Десять или двадцать миль — достаточно, чтобы перехватить налетчиков. Впрочем, осмелюсь заметить, в это время года море сильно бушует, и вряд ли кто-то из северян осмелится его пересечь.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Вонвальт. Я заметила, что он разозлился на себя за то, что запутался в здешней географии. И все же ему можно было про-

стить эту оплошность. Империя, существовавшая уже более пятидесяти лет, вобрала в себя столько народов и столь быстро, что картографам приходилось ежегодно перерисовывать карты. — Полагаю, Моргард их тоже сдерживает, теперь, когда крепость восстановили, — прибавил он.

— Верно, уж тут Аутун постарался. Обнес крепость новой стеной, разместил новый гарнизон и шлет им столько денег и провизии, что в теплое время, когда начинаются набеги, они могут ежедневно ходить в дозор. А зимой — еженедельно, по приказу маркграфа.

Аутун. Двуглавый Волк. Было неясно, считал ли сэр Отмар это слово уничижительным или нет. Покоренные народы придумывали Сованской империи множество подобных странных прозвищ, как почтительных, так и оскорбительных. Как бы там ни было, Вонвальт пропустил это мимо ушей.

— Я о нем слышал, — заметил Вонвальт.

— О маркграфе Вестенхольце? — встрял в разговор священник Клавер. — Он хороший человек. Благочестивый. Северяне — безбожники, цепляющиеся за старый драдический образ жизни. — Он пожал плечами. — Вам не стоит скорбеть по ним, Правосудие.

Вонвальт сдержанно улыбнулся.

— Я не скорблю по мертвым налетчикам с севера, патре, — сказал он с большей сдержанностью, чем заслуживал священник. Клавер был молод, слишком молод, чтобы обладать властью, которая давалась священнослужителям. На протяжении нашего короткого совместного путешествия мы все сильно его невзлюбили. Он был фанатичен, зануден, вспыльчив и скор на осуждение. Он много говорил о своей миссии — о вербовке храмовников для южного Пограничья — и о своих влиятельных знакомых среди лордов. Брес-

синджер обычно отказывался с ним говорить, но Вонвальт из профессиональной учтивости несколько недель терпеливо беседовал со священником.

Сэр Отмар откашлялся. Он как раз собирался совершить ошибку и вступить в разговор с Клавером, когда на стол подали еду, и вместо этого сэр Отмар принялся за нее. Ужин был простым и сытным — тушеное мясо с жирной подливой и хлеб. Впрочем, тогда мы редко оставались голодными. Власть и полномочия, которыми обладал Вонвальт, обычно вызывали в принимавших его хозяевах желание расщедриться.

— Вы сказали, что в последний раз Правосудие проезжала здесь довольно давно? — спросил Вонвальт.

— Так и есть, — ответил сэр Отмар.

— И в это время вы прилежно исполняли постановления Империи?

Сэр Отмар энергично закивал головой, но он почти наверняка лгал. Столь далекие деревни и города, находившиеся в лучшем случае в нескольких месяцах пути от Совы, редко соблюдали имперские законы. А жаль. Рейхскриг принес гибель и горе тысячам людей, но система общего права была одним из редких алмазов, которые нашлись в той огромной куче дерьма.

— Хорошо. В таком случае, полагаю, нам здесь делать почти нечего. Разве что прочесать леса, — сказал Вонвальт. Сэр Отмар, казалось, был озадачен его последними словами. Вонвальт допил остатки своего эля. — По пути сюда, — пояснил он, — нам неоднократно говорили о ведьме, что живет в лесах к северу от Рилла. Полагаю, вы ничего об этом не знаете?

Сэр Отмар потянул время, сначала сделав большой глоток вина, а затем якобы выковыряв что-то из зубов.

— Кажется, я ничего подобного не слышал, сир. Нет.

Вонвальт задумчиво кивнул.

— *Кто она?*

Брессинджер выругался на грозодском языке. Сэр Отмар и я подпрыгнули на месте от испуга. Стол, тарелки и все приборы на нем подскочили, когда о него ударились три пары коленей. Содержимое кубков и высоких кружек пролилось на столешницу. Сэр Отмар схватился за сердце, выпучил глаза и задвигал губами, готовясь выдать то, что ему приказал Вонвальт.

Голос Императора — магическая способность Правосудий, позволявшая им заставлять других говорить правду. Ее возможности были ограничены: например, она не работала на других Правосудиях и волевой, бдительный человек мог ей сопротивляться. Однако сэр Отмар был стар, кроток и малознаком с методами Ордена. Голос потряс старика, как раскат грома, и вывернул его разум наизнанку.

— Она жрица... драэдистка, — выдохнул сэр Отмар. На лице лорда отразился ужас, когда его губы заговорили против воли хозяина.

— *Она из Рилла?* — с напором спросил Вонвальт.

— Да!

— *Есть ли здесь иные, кто практикует драэдизм?*

Сэр Отмар скорчился на стуле и ухватился руками за столешницу, чтобы найти опору.

— Многие... жители деревни!

— Сэр Конрад, — пробормотал Брессинджер. Он, чуть хмурясь, смотрел на сэра Отмара. Я заметила, что Клавер тем временем наслаждается мучениями лорда.

— Хорошо, сэр Отмар, — сказал Вонвальт. — Хорошо. Успокойтесь. Вот, выпейте эля. Я не стану больше вас допрашивать.

Мы сидели молча, пока сэр Отмар, подозвав трясущейся рукой перепуганную служанку, хрипло просил у нее еще эля. Служанка ушла и вскоре вернулась, передав ему кружку. Сэр Отмар жадно ее осушил.